

12. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет [Текст]. – Х., 1955. – № 11-12.
13. Центральный исторический архив Москвы [Текст]. – Ф. 459, оп. 3, д. 7743.
14. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу [Текст]. – Томск, 1914. – № 8.
15. Циркуляр по Казанскому учебному округу [Текст]. – Казань, 1914. – № 8.
16. Циркуляр по Киевскому учебному округу [Текст]. – К., 1914.
17. Циркуляр по Киевскому учебному округу [Текст]. – К., 1915. – № 3.
18. Циркуляр по Одесскому учебному округу [Текст]. – О., 1916. – № 8.
19. Циркуляр по Петроградскому учебному округу [Текст]. – Пг., 1916. – № 7.
20. Циркуляр по Рижскому учебному округу [Текст]. – Рига, 1914.
21. Циркуляр по Харьковскому учебному округу [Текст]. – Х., 1915.
22. Южный край [Текст]. – 1915. – 16, 18 июня.
23. «Das Deutschtum» – «немечество» [Текст] // Новое время. – 1914. – Окт.

Надійшла до редколегії 01.04.09

С. И. Бобылева, Т. Л. Петрова

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

КТО ВИНОВАТ? РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И «НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Розглянуті питання стану російського суспільства напередодні та під час Першої світової війни. Особлива увага приділена антинімецькій політиці уряду у сфері землеволодіння, торгівлі, промисловості та культури.

The article researches the Russian society before and during the First World War period. Special attention is paid to the anti-german policy of government in areas of landownership, trade, industry and culture.

Проблемы Первой мировой войны освещались в советской историографии. В то же время в работах практически отсутствовали це-

лые ее страницы, в частности «немецкий вопрос», «ликвидационное законодательство». Причинами этого были исторические и политические условия, диктовавшие и определявшие темы, направления исследований. В работах, посвященных кризису самодержавия, немецкий след присутствовал главным образом лишь в легенде об Александре Федоровне и Распутине. Все дальнейшее было подчинено идеологическим установкам:

- Россия – «тюрьма народов», но в этой посылке немцы не могли быть рассмотрены по социально-экономическим показателям;

- братская дружба народов СССР – здесь им тоже не было места, ибо они были объявлены народом-«врагом».

Такая ситуация доминировала до конца 80-х гг. XX в. Затем произошли кардинальные изменения. «Маятник качнулся» в другую сторону. Стали стремительно заполняться насильственно вымаранные страницы истории царской России, истории СССР. Все познается в сравнении: на общем фоне исторических исследований, посвященных национальным вопросам, история немцев выгодно отличается не только количеством публикаций, но и комплексным подходом к рассмотрению истории немецкого этноса. Во всяком случае, в Украине количество работ по этой тематике может сравниться лишь с числом публикаций по истории украинского казачества и голодомора. Пишут много и по-разному. Что касается немецко-меннонитской тематики, то она у ряда чиновников от науки вызывает следующие восклицания: «Ну, сколько можно о них писать?! Достаточно! Вы преувеличиваете значимость этой проблемы в общеисторическом развитии общества». А конкретно по теме нашей конференции: «Да будет Вам. Не так уже они и пострадали в Первую мировую войну. Да и «ликвидационное законодательство» было больше фактором морального давления, чем реальным уничтожением немецкого землевладения и промышленности!» Оставить без внимания подобные квинтэссенции нельзя, ибо они не только относятся к прошлой истории, но, к сожалению, непосредственно выходят на события нынешнего времени. Это очевидно.

Господство определенных методологических приёмов привело к тому, что историки Первой мировой войны делали в основном акцент на социально-экономических, политических и военных аспек-

тах событий. Позже тему Первой мировой вообще вытеснили проблемы Второй мировой войны. Но на рубеже тысячелетий оказалось, что проблематика Великой войны вновь оказалась востребованной. Тема той войны, рассматриваемая сквозь призму социально-психологических проблем, которые и сегодня волнуют людей, оказалась актуальной. Итак, историческая дистанция, позволяющая историкам быть более объективными в своих характеристиках, является составляющей новой волны интереса к событиям 1914–1918 гг. Это первый аспект, второй – межнациональные отношения. Ранее они рассматривались лишь как проявление кризиса национальной политики царизма. Новое прочтение истории войны позволяет увидеть в происходившем тогда глубокий духовный кризис российского общества. И по своему масштабу он был гораздо серьезнее, чем экономический, социальный или политический, ибо давал почву для всех вышеперечисленных.

Ныне, когда во всем мире наблюдается рост национального самосознания, которое одни называют «этническим ренессансом», другие – «этническим парадоксом», и вне зависимости от наименования этот процесс выходит на проблему межнациональных отношений, изучение всего, связанного с этим, приобретает особую значимость.

Для осознания проблемы российского общества и судьбы российских немцев в годы войны необходимо: понять расстановку социально-политических сил в стране; составить представление об отношении каждой из них к немцам; уяснить причины этого отношения; определить их цели в борьбе против немцев; выяснить суть происходившего; определить этнополитику российского правительства; обратить внимание на имевший место позитив ситуации и его дипольность.

Российское дворянство как оплот самодержавия. Николай II начал свое царствование с подчеркнутой заботы о дворянстве. Самодержавие, убедившись в нежизнеспособности конструкций третьеиюньской системы, встало на путь реконквисты, найдя в этом отклик прежде всего у дворянства. Оно считало себя выдвинутым самой историей вождем, которому «по природному праву предназначено повести за собой страну» [23]. Эта мысль присутствует в материалах

практически всех съездов объединенного дворянства: V съезд – тезис В. И. Гурко о том, что дворянство составляет необходимую и притом наиболее важную часть общества (1909); VI съезд – требование укрепления и усиления влияния и авторитета дворянского землевладения (1910); IX съезд – та же идея, только в более жесткой форме. Все это происходило на фоне стремительного сокращения дворянского землевладения [38, с. 249–264]. Еще в 1895 г. С. Ю. Витте писал: «...земля роковым образом уходит из рук дворян». С 1877 по 1905 г. в степной Украине дворянское землевладение уменьшилось на 49 % [30, с. 342]. Статистика давала и другие цифры. Так, в Екатеринославской губернии немецкое население, составлявшее в начале XX в. 5,4 %, владело 25 % земли. В Мелитопольском уезде Таврической губернии площадь немецкого землевладения с 1889 по 1914 г. увеличилась на 43 % [19, с. 166]. Этот процесс расценивался дворянскими идеологами как «политическое несчастье России». Подобные суждения были лишь прикрытием стремления сохранить привилегированное положение дворянства в экономической и политической структуре страны. Как отмечалось на IX съезде Объединенного дворянства, именно «материально окрепшее с помощью государства и крепко сплоченное дворянство... за которым стоят широкие массы консервативно настроенных крестьян-собственников, представляет собой силу, которой удастся разбить и обезоружить всех многочисленных внутренних врагов» [39, с. 212]. Кем же были последние? Речь шла о буржуазии, в отношении которой выдвигалась задача тотального вытеснения ее и «удержания на земле дворян» [Там же, с. 210]. Вторым, если не первым, противником являлись немецкие колонисты. Столь воинственное высказывание прозвучало в 1913 г. История возникновения «немецкого вопроса» известна. В целом позитивное отношение к немцам, царившее в российском обществе, практически, почти до конца XIX в., постепенно сменялось настроенно-враждебным, хотя и не приобретшим в тот период форму открытой конфронтации [4, с. 3–5]. Конфликт обострялся не столько внешнеполитическим фактором ухудшения российско-германских отношений, сколько тем, что крупные дворянские землевладельцы и землевладельцы, формирующиеся из числа вчерашних крестьян, не без основания видели в немцах реальных конкурентов на рынке куп-

ли-продажи земли. Кроме того, лишавшееся хозяйства дворянство устремлялось в ряды чиновников и здесь вновь сталкивалось с немцами, с петровских времен традиционно являющимися неизменным компонентом этого служилого населения. Достаточно отметить, что в 80-е гг. XIX в. в государственном аппарате России они были представлены следующим образом: в Министерстве почт и сообщений – 62 %; в Военном министерстве – 46 %. Подобная ситуация была характерна и для других ступеней государственного управления.

Таким образом, факт конкуренции, имевший этническую составляющую, привел к возникновению враждебности между дворянством и немцами, между крестьянством и немцами. Это становилось определяющим для вышеозначенных слоев российского общества в инициировании ими антинемецкой кампании, достигшей своего апогея с началом Первой мировой войны.

Интеллигенция – понятие, которое можно встретить только в русской культуре, ибо это русское слово не совпадает с известным понятием «интеллектуал», как во многих странах называют человека умственного труда. В пореформенной России им обозначали людей, в коих высокая культура соединялась с духовностью [27, с. 39]. О роли интеллигенции в обществе писал П. Б. Струве, отмечая большое значение образованного класса во всяком государстве, в государстве отсталом (читай Россия), лежавшем не так давно на крайней периферии европейской культуры, она, вполне естественно, являлась громадной [40, с. 151]. С. Н. Булгаков считал, что Россия должна быть спасена и «спасителем ее может и должна явиться интеллигенция», иного «нет спасения» [5, с. 39].

К сожалению, в антинемецкую кампанию оказалась втянутой часть российской интеллигенции. Она, считавшаяся «мерилом нравственности», «духовным зеркалом для всей России» [Там же, с. 29], в многочисленных публикациях кануна и периода войны с «успехом трудилась на ниве немецедства». Сказывались «проросшие зерна» этнофобии, вброшенные в сознание россиян рядом публицистов. Так, один из них, А. Ф. Васильев, писал: «Все эти Остерманы, Минихи, Несельроде, несмотря на всю их хваленую добросовестность, служили и служат не русской земле и русскому народу. Громадный вред, бесчисленные насилия и обиды – вот что принесли немцы русским.

И пора, наконец, подумать о том, чтобы исключить иностранцев из правительственных, общественных учреждений ... и передать ... управление ... русским людям» [7, с. 135]. Подобные высказывания стали рефреном значительной части российской печати в годы войны, а сама периодическая печать, превратившаяся уже в тот период из нравственной и просветительной силы в торговое предприятие, активно формировала негативный образ немца в сознании россиян. Пресса сыграла провокационную роль, распространяя идеи шовинизма и национализма.

Национализм и националисты. В годы первой русской революции и Первой мировой войны часть русского населения обнаружила черты имперского самосознания, проявившегося в развитии этнократического ксенофобского национализма. Этнодисперсные группы российских немцев, находясь в великорусском окружении, стали объектом особого «внимания» черносотенцев. И тут уже не спасали амортизационные механизмы империи в виде губернской системы управления, лишавшей этносы политической субъективности, или принципы вероисповедания, опосредованно определявшие в этническом аспекте отношение личности и государства [14, с. 24].

Российское самодержавие, бредущее «по бездорожью» [11], как определяли его политику, пыталось найти опору даже в национализме. «Национализм становился, — писала газета «Голос Москвы», — единственной политической платформой партий правительства». «Тупой и неразумный» консерватизм крайне правых, их «зоологический национализм» внушали страх даже такому столпу реакции, как князь В. П. Мещерский. Последний характеризовал националистов как «зловредную банду», для которой «нет ничего святого — ни родины, ни церкви, ни царя, ни совести — ничего, кроме личных интересов каждого из этой банды» [12, с. 13]. Именно ее представителям пришлось в голову в 1912 г. на IV съезде «Союза русского народа» выдвинуть идею лишения права решающего голоса в Думе инородцев и иноверцев. Именно они диктовали антиинородческие требования на первом всероссийском съезде националистов в Петербурге 19–21 февраля 1912 г. «Союз русского народа» и «черные сотни» протофашистским способом, как пишет А. Каппелер, соединяли лояльность к самодержавию и православию с признанием господству-

ющей позиции русской нации, ненавистью к иностранцам [18, с. 258]. Между тем правительство все чаще пользовалось российским национализмом как инструментом стабилизации власти. А сам российский национализм формировал особую общественно-политическую атмосферу в обществе, негативное влияние которой с началом военных действий прежде всего коснулось немцев.

Буржуазия. Русская буржуазия существенно отличалась от западноевропейской, где ремесленники и бюргерство составили костяк будущей буржуазии. Первоосновой русской буржуазии было купечество. «В России вся почти промышленность вышла из торговли, т. е. заводчиками и фабрикантами становились бывшие торговцы», – писал М. И. Туган-Барановский (цит. по [6, с. 104]). Важным социальным элементом формировавшейся буржуазии были недавние выходцы из крепостных крестьян. И, наконец, буржуазия испытывала последствия социальной диффузии, когда часть «благородного сословия» обуржуазилась, став заниматься промышленным и финансовым предпринимательством. Газета «Новое время» писала: «Купец идет. На купца спрос теперь... Поверьте, из этого сырья время создаст превосходные вещи...» [Там же, с. 98]. Но времени для этого отпущено не было. Основной период ее формирования приходился на вторую половину XIX в. Начало XX в. сопровождалось усилением экономических позиций русского капитала, промышленности, укреплением связей с международным финансовым капиталом [15, с. 8]. Вместе с тем росла и неудовлетворенность буржуазии методами хозяйствования царизма, усилилось ее притязание на определение экономической политики правительства. Историей был поставлен вопрос: какой быть России – экономически буржуазной или по-прежнему дворянско-земледельческой. Об этом неоднократно шла речь на съездах представителей промышленности и торговли.

Выдвигала ли русская буржуазия начала века какие-либо общеполитические задачи, социальные требования? Имела ли она экономическую программу действий? К сожалению, нет. «Экономические беседы», имевшие целью объединить науку и промышленников, так называемые собрания Рябушинского, не «выковали» идеологию «класса производителей» [6, с. 271]. Все это и обусловило то, что российская буржуазия до определенного времени не имела полити-

ческого влияния. Внося заметный вклад в русскую культуру путем меценатства, взаимодействуя с частью творческой интеллигенции, она не ставила вопрос о том, что нужно для развития производительных сил страны. Последнее, скорее всего, объяснялось практицизмом буржуазии, понимавшей, что для развития народного хозяйства нужны изменения общих условий жизни – и политической, и социальной. Но эти изменения не осуществлялись. Это первое. Далее, русская буржуазия фактически участвовала лишь в секторальной модернизации производства. Она вступила в фазу своего развития, когда на экономическом поле уже активно действовали немецкие предприниматели, как германские подданные, так и из числа этнических немцев России. Их активность проявлялась в тяжелой и легкой промышленности, перерабатывающих производствах. Кроме того, колонисты, давно ставшие на путь товарного производства, составляли реальный компонент на хлебном рынке. То есть с самого начала своего оформления как сознательной социальной силы русская буржуазия видела в немцах своих конкурентов. И эта конкуренция имела этническую окраску [8, с. 82].

В буржуазных преобразованиях, становлении буржуазной демократии, формировании буржуазного законодательства и политики российской буржуазии исторически должна была явиться ведущей силой. Но, увы, поздний период ее формирования, особенности социальных сил, ее формировавших, *отсутствие политического опыта и традиций* – все это и многое другое определило ее слабость. Последнее было не только ее трагедией, но и трагедией всей России.

Крестьянство России. Незавершенность реформ начала XX в., сохранение дворянского землевладения, явно наблюдавшийся процесс роста немецкого землевладения, желание крестьян увеличить свои наделы, сделать рентабельными свои хозяйства – все это выдвигало на первый план аграрный вопрос. Но если дворянское землевладение было защищено традицией и законом, то в условиях формируемого в обществе образа «этнического врага», к чему приложила усилия и православная церковь, развивая тему «наши – чужие» [37, с. 108], объектом вожделения становились немецкие хозяйства. Таково было психоментальное состояние социума кануна Великой войны. Каждая из его составляющих выходила на «немецкий вопрос».

Положение немцев в российском обществе. В последней трети XIX в. сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, шел естественный процесс интеграции колонистов в российское общество, имевший культурную, политическую, экономическую составляющие, сопровождавшийся явлениями русификации, ассимиляции, свойственной общемировой практике (интеграция в языково однородную среду); с другой -- этнические немцы по-прежнему сохраняли национальную идентификацию.

В отечественной литературе дореволюционного и послереволюционного периодов присутствовало положение о факте самоизоляции немецкого населения России. Как следствие этого отмечалось слабое знание русского языка немцами, их политическая индифферентность. Языковая ситуация у колонистов молодого и среднего возраста (знание русского языка) существенно отличалась от ситуации у пожилых колонистов -- сказывались изменения в системе школьного обучения, служба в армии. На бытовом уровне колонисты (особенно мужчины) прекрасно общались с русским, украинским населением.

Многочисленные факты свидетельствовали о значительной интегрированности верхних слоев российских немцев в структуры государственной власти. Даже в Министерстве иностранных дел немцы составляли 37 % служащих. Однако такой, казалось бы, позитив приобрел с началом войны обратную сторону. Так, бывший начальник международно-правового отдела МИДа Г. Н. Михайловский считал вопрос о германском влиянии в России «вопиющим» [24, с. 68]. С началом войны, по его мнению, из чувства национального самосохранения следовало бы осуществить «германскую чистку», начав ее сверху. Им отмечалась громадная роль немецкого фактора в высшей петербургской бюрократии, характеризовалась позиция ряда чиновников МИДа, считавших немцев «язвой русского государства». И это писал представитель русской интеллигенции, племянник писателя-демократа Гарина!

Численность немцев в государственно-бюрократическом аппарате империи (в номенклатурной верхушке их насчитывалось 6 343 чел.) [32, с. 163], их положение, казалось, должны были сыграть положительную роль в судьбе немецкого населения в годы войны. Однако

все происходило совсем наоборот. Достаточно сослаться хотя бы на позицию Б. В. Штюрмера в вопросах ликвидационных законов, его позицию в отношении Особого комитета по борьбе с немецким заисильем [21, с. 56]. Не лучшей была и роль Н. В. Плеве, являвшегося в 1915 г. председателем Особого совещания по делам беженцев [16, с. 94], о трагических судьбах которых хорошо известно. «Отказывались хлопотать» за колонистов К. К. Пален и А. Ф. Кони [10, Ос. отд., оп. 1915 г., д. 167, ч. 75, л. 76]. Поведение последнего вообще трудно объяснить. Юрист, имевший «репутацию судьи, не идущего на компромиссы с совестью и долгом», он, как никто другой, должен был понимать всю противоправность действий российского правительства в отношении колонистов, но в данном случае поступился профессионализмом. Скорее всего, это объясняется психологическим состоянием как его, так и тысяч лиц, имевших немецкие фамилии, которые убоялись «зоологического национализма» верхов российской администрации [21, с. 60], когда дело дошло до публикации «Новым временем» списков чиновников, сенаторов, фамилии которых не были созвучны психологической атмосфере России тех лет.

Состояние тревоги, страха не только не мобилизовало этих людей на защиту немецкого населения, а стало побудительным мотивом доказать свою «сверхрусскость». И они становились исполнителями или в лучшем случае пассивными наблюдателями творимого беззакония.

Военное ведомство. Исследователи приводят следующие данные о количестве немцев, состоявших на русской службе в 1914 г.: каждый пятый генерал – немец, каждый четвертый из генерал-адъютантов (более 20 %) – члены императорской свиты, примерно каждый четвертый – пятый – среди офицеров корпуса генерального штаба, значительное количество в имперской гвардии [22, с. 129–130]. Это происходило в стране, где немцы составляли 1,4 % всего населения. Многие из немецких семей в течение нескольких поколений верой и правдой служили отечеству, защищая его. Однако военные неудачи привели военно-политическое руководство к поиску виновных и созданию образа внутреннего врага [29, с. 262]. Необоснованным подозрениям были подвергнуты офицеры и генералы, носящие немецкие фамилии. Обвинения начались с «дела» командующего 1-й ар-

мией П. К. Ренненкампа. Произведенное расследование доказало его невиновность. Однако сам факт появления этого «дела» послужил отправной точкой для многочисленных антинемецких обвинений.

Государственные и прежде всего военные деятели той эпохи оказались под влиянием русского национализма, что позволило многим царским военачальникам решать судьбы инонационального населения одним, единственно приемлемым для них способом – депортацией немецкого населения страны из регионов его компактного проживания [2, с. 697–702]. Поскольку депортация осуществлялась с помощью военно-административных мер, то позиция и настроение по отношению к выселяемым немцам начальника штаба верховного командования Н. Н. Янушкевича, настаивавшего на депортации не только сельского, но и городского немецкого населения, демонстрирует не только лично его патологическую германофобию, но и общее настроение в военной среде. Известно его заявление: «... лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить». «Голоса» о немецком шпионаже раздавались еще до начала военных действий [20, с. 92–94]. Действительно, с начала XX в. Россия стала важнейшим объектом германской разведки [8, с. 153–177]. Однако ход Первой мировой войны и отдельные успехи германской разведки объяснялись не наличием гигантской армии шпионов, о чем писала российская пресса того времени, а тщательной аналитической работой с применением различных методов добывания информации. Что же касается российских немцев и их отношения к войне, как и отношения самого германского руководства к ним, то хорошо известны, с одной стороны, многочисленные проявления верноподданнического поведения немцев России как в начале войны, так и в ее ходе (о чем достаточно подробно писал К. Линдеман), а с другой – трезвая оценка, данная им еще О. Бисмарком, заявлявшим, что «для Германии они потеряны, ибо работают на повышение благосостояния России». Прошедшее время лишь укрепило многочисленные связи российских немцев с их новой родиной. И все невзгоды, связанные с проявлением негативных сторон «немецкого вопроса», не смогли поколебать их гражданских позиций. Архивные документы не подтверждают фактов участия немецкого населения России в шпионаже. Однако миф о

немецком шпионаже, удачно запущенный с началом войны, оказался живуч и пережил саму войну.

В начале Первой мировой войны огульно обвиненные в шпионаже в пользу Германии российские немцы якобы именно с этой целью использовали ряд общественных организаций, таких как «Центральный Немецкий Союз флота за границей» и «Германский Союз национального воздушного флота». Изучение этого вопроса показало, что первый из них, созданный в 1897 г., к 1910 г. имел 151 отделение, действовавшее в основном в странах Азии. Число его членов было 962 чел. К концу первого десятилетия XX в. большинство его филиалов распалось или бездействовало. Что касается России, то наибольшими были общества в Петрограде – 22 члена, Одессе – 27, Киеве – 20, Владивостоке – 26, Москве – 15. В других городах количество не превышало 2–3 членов. В целом по России – 151 чел. В августе 1914 г. большинство членов союза были арестованы. Однако документы свидетельствуют, что, во-первых, практически все арестованные были германскими подданными, во-вторых, в обвинении нет четких доказательств их участия в шпионской деятельности даже в случае арестов и предания обвиняемых суду. О существовании «Германского Союза национального воздушного флота» свидетельствуют пока только документы, обнаруженные при осмотре Германского консульства в Киеве в сентябре 1914 г. Киевской жандармерией там было обнаружено обращение с призывом жертвовать деньги на нужды Германского национального воздушного флота, к которому прилагался список жертвователей. 28 сентября 1914 г. в жандармское управление Волынской губернии было направлено предписание собрать полные сведения о лицах, значившихся в этом списке. В течение октября предписание было выполнено, сведения собраны. В докладе начальнику Волынского жандармского управления от 25 октября 1914 г. сообщалось, что указанные в списке 7 человек, собиравшие средства на нужды германского воздушного флота, проживали в Пулинской волости Житомирского уезда Волынской губернии. Все они являлись прусскими подданными, имели дома, содержали столярные, слесарные мастерские, занимались сельским хозяйством. За время проживания в России не участвовали в политической деятельности, однако тяготели больше к Германии, нежели к России, и по-

жертвовали на нужды германского воздушного флота от 50 коп. до 2 руб. В общей сумме это составило 8 руб. [42, Ф. 385, оп. 1, д. 63, л. 7–9; Д. 2945, л. 114–116; Ф. 442, оп. 639, д. 220, л. 30–51; Ф. 1599, оп. 1, д. 130, ч. 2, л. 202, 202 об., 203–205]. Обвинение же российско-подданных немцев в организации обществ с целью ведения шпионажа в пользу Германии так и остались бездоказательными и беспочвенными. Можно с полной ответственностью утверждать, что если бы факты шпионажа были обнаружены, то они непременно стали бы достоянием гласности. Внутриполитическая обстановка к этому располагала.

Идея возможного шпионажа порождала атмосферу всеобщей подозрительности. Так, Херсонское губернское жандармское управление в апреле 1916 г. сообщало, что «возникшее *под влиянием газетных сообщений* (курсив наш. – Авт.) среди русского городского населения озлобление против немцев, проживающих в России, выразилось в ряде поступивших в Управление анонимных заявлений, из которых было видно, что *жители сами стали следить* за проживающими в г. Херсоне немцами и всякому, даже не ясно и не точно высказанному ими слову придавали характер враждебного против России действия. Расследование подобных фактов в большинстве случаев материала для обвинения не давало, а указывало на усиление озлобления против немцев» [10, Делопр-во 2, оп. 1882 г., д. 244, л. 34, 34 об.]. Подобная ситуация имела место и в сельской местности. В ряде случаев здесь присутствовал помимо фактора «бдительности» элемент меркантилизма и даже формы личной мести. Типичным примером является содержание рапорта мариупольского исправника, в котором идет речь о полученной им информации от крестьянки Журавлевой о высказываниях против правительственных мер в отношении немецких колонистов, сделанных поселянином-собственником Таврической губернии, Мелитопольского уезда, Пришибской волости, колонии Шидлово Генрихом Иоганновичем Векерном. В ходе разбирательства выяснилось, что причиной доноса была ссора семей Журавлевых и Векернов из-за соломы [9, Л. 900–901].

Участие в общественно-политической жизни. Имевшийся опыт колонистского самоуправления, реализацией которого была напол-

нена вся первая половина XIX в., получил свое органическое продолжение в деятельности уездных и губернских органов власти, в работе Государственной думы России [3, с. 28–42]. В тоже время обратим внимание на следующее: а) отсутствие в думах организационной самостоятельности немецких депутатов, за исключением «немецкой группы» в партии «Союз 17 октября». С началом войны последняя утратила эту уникальность – октябристы перешли на позиции неукоснительного выполнения «ликвидационных законов» и их ужесточения. Немцы стали покидать ряды этой партии; б) отсутствие координации действий немецких депутатов в период войны и слабое их противодействие (основной массы) противоправному, законотворчеству российского государства. Настойчивость отдельных депутатов (Л. Лютц, Г. Бергман [17], А. Ф. Мейендорф) в отстаивании личного мнения, касавшегося судеб немцев России, не спасала ситуацию; в) невозможность выстроить оборону собственными силами. Союзнические отношения с рядом депутатов Думы, прошения в правительственный Сенат, в адрес императора, членов императорской семьи, помощь армии, выполнение предприятиями военных законов, личное участие в боевых действиях, обращения через земства – все это не могло переломить негативизм ситуации. Это объяснялось рядом причин, в числе которых были: региональное представительство; отсутствие этнической моногамии происхождения; несоразмерность антинемецких кампаний в различных регионах империи; различный уровень организованности, экономического благосостояния немецкого населения; конфессиональные различия; психологическая обстановка в обществе. Последнее положение косвенно подтверждается тем, что если активная позиция немецких депутатов в работе Думы в составе «октябристов» позволила в 1910 и 1912 гг. не допустить превращения антинемецких законопроектов в соответствующие законы, то этнонациональный психоз периода войны, царивший в стране и имевший место в самой Думе, привел к тому, что в годы войны противостоять великорусскому шовинизму немецкие депутаты, как и немецкое население в целом, не смогли. Хотя отдельные примеры сохранения авторитета и влияния немцев даже в те годы имеются. И речь идет не только о их количественном присутствии. В частности, в Таврическом губернском земстве нем-

цы имели 8 из 28 голосов, но они влияли на принятие земством решений, например относительно ходатайства перед правительством об отсрочке ликвидации немецкого землевладения в Таврической губернии [10, Ос. отд., оп. 1915 г., д. 167, ч. 75, л. 13].

Интегрированность в экономику. В экономической структуре России немцы были представлены рядом сегментов: германским капиталом [1, с. 81, 90; 13, с. 40; 25; 34, с. 101, 104; 36], немцами, проживавшими в России в статусе иностранцев, и немцами, принявшими российское подданство. Последние две группы были заняты в основном в промышленных и аграрных сферах деятельности. Не касаясь проблем германского капитала, обратимся к вопросам положения немецкого населения, проживавшего в России.

На территории России проживали 151 102 германских подданных, 100 тыс. из них являлись иждивенцами и лишь одна треть была занята в сфере производства, торговли и услуг [31, с. 203]. Это отнюдь не умаляет их роли в экономической жизни страны. Особенно если учесть тех из них, кто входил в «деловую элиту» России: «хлопковых баронов» Кнопов, клан Вогау, фирмы Бранда и т. д. [41, с. 10, 141]. Некоторые из представителей этих компаний с начала войны перешли в российское подданство, что не избавило их от ликвидационных мер государства. Речь, безусловно, идет лишь о категории собственников. Однако положение служащих, рабочих с началом войны тоже было незавидным, и они довольно часто подвергались политике высылки.

Рассматривая положение российскоподданных немцев периода войны, следует учитывать следующее: 1. Государство, приняв их в число своих граждан, с самого начала в определенной степени дистанцировалось по отношению к ним (1763 г. – создание Канцелярии опекунов иностранных поселенцев, 1800 г. – Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев). 2. Проблема российских немцев и меннонитов, рассмотрение их как иных присутствовали в России задолго до Первой мировой войны. Доказательством этого служит следующее. В сводке статистических данных об иностранной колонизации в Юго-Западном крае за 1882 г. речь идет о землевладении немцев в 3 губерниях (Киевской, Подольской, Волынской). Интерес представляют графы, где указана численность лиц немецкого

происхождения, принявших и не принявших российское подданство. Существовала графа, в которую были включены и те, и другие, причисляемые к одной категории – иностранных поселенцев [10, Делопр-во 2, оп. 1882 г., д. 244, л. 34, 34 об.]. Российскоподданные немцы в годы войны фактически лишились права быть защищенными российским законодательством. Кроме того, известны факты наблюдения за предприятиями, принадлежавшими лицам с немецкими фамилиями вне зависимости от их гражданства. Об этом шла речь в отчетах старших фабричных инспекторов Екатеринославской и Херсонской губерний за 1900 г. [42, Ф. 575, оп. 1, ч. 1, д. 243, л. 2, 3, 6].

Хорошо известна роль немецкого и меннонитского предпринимательства в экономической жизни России. Накануне войны только в сельскохозяйственном машиностроении южных регионов империи продукция их предприятий составляла 54,1 % общероссийского производства. В свете этого не приходится говорить об отсутствии интегрированности немецкой и меннонитской промышленности в хозяйственно-экономическую жизнь страны. Однако уже сам этот факт обернулся в годы войны против немцев. Достаточно вспомнить высказывание М. Муравьева: «Нам, русским, надо не только одолеть полчища тевтонов... но надо одолеть внутреннюю Германию, которая просочилась в нашу жизнь, которая двести лет влияла на нашу политику, на развитие нашей промышленности» [26, с. 3].

«Ликвидационное законодательство» и «ликвидационная политика» прежде всего касались вопросов землевладения, не обошли они стороной и вопросов промышленности. И речь шла не только о германском производстве на территории России, но и о промышленности колонистов, *выходцев из Германии* и союзных с ней держав. Этим занимались соответствующее отделение «Комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» (торгово-промышленная и банковская сферы) и «Особый комитет по борьбе с немецким засильем при Совете Министров».

Законы и указы относительно промышленной сферы производства изучались И. В. Поткиной [33, с. 225–261; 39]. Не анализируя эффективность законов, касающихся ограничений в сфере производства, обратим внимание на следующее: действия правительства в области ликвидационного законодательства как в земельном, так и в

промышленном вопросе четко коррелировались с положением дел на фронтах. В силу этого хронология принятия правительственных мер в этих областях может быть соотнесена с неудачами русской армии. Желание заручиться поддержкой крестьянства — основного источника пополнения армии, буржуазии, фактически во многом определявшей настроение российского общества, побуждало правительство предпринимать очередные шаги в области ликвидационной политики.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на деятельность правительственных инспекторов (1914), когда они были направлены на предприятия, собственниками которых были подданные воюющих с Россией государств. Первоначально их функции сводились к контролю за деятельностью этих предприятий. Со временем права были существенно расширены и создано Особое делопроизводство по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями. Изучение материалов деятельности инспекторов, вопросных листов, выдаваемых им, и задач, поставленных ведомством, позволяет утверждать следующее: 1. Их деятельность выходила далеко за рамки Министерства торговли и промышленности, зачастую приобретая характер полицейского осведомления. Последнее должно было осуществляться скрытно — опросные листы [35, Л. 21, 21 об.] не должны были быть известны опрашиваемым рабочим и сотрудникам предприятий. 2. Промышленные инспекторы, помимо вышеозначенного, должны были готовить исчерпывающий материал о предприятии (характер, история возникновения и развития, причины успехов, особенности его организации, управления, техники производства, методы завоевания рынков сбыта продукции и приобретения сырья, источники получения кредита и наличие помощи со стороны германских банков, методы хозяйствования, присутствие или отсутствие обособленности высшего персонала от рабочих; степень самостоятельности предприятия: основное и побочное производство, торгово-комиссионная деятельность и практика борьбы с конкурентами, распространение товаров, система агентуры, рекламы, организация труда, размер годового оборота и прибыли за последние годы, стоимость недвижимого имущества предприятия, в том числе принадлежащего владельцу, число лиц, занятых на предприятии). Дру-

гими словами, речь шла фактически об объемном досье предприятия, которое можно было бы использовать будущим новым собственникам. З. Инспекторы должны были своей деятельностью мобилизовать весь потенциал предприятия на выполнение государственных и военных заказов [35, Л. 9, 9 об.], контролировать все вексельные операции, участвовать в ликвидации предприятий, предоставлять преимущества при их покупке бывшим русским совладельцам [Там же, Л. 79]. Деятельность правительственных инспекторов не всегда была безупречной (задержки отчетности, финансовые нарушения) [Там же, Л. 13].

Созданный институт правительственных инспекторов своей важнейшей задачей имел усиление государственного присутствия в экономической сфере и последующую ликвидацию немецкого сегмента в экономике.

Наличие общегосударственного законодательства не исключало региональной специфики в реализации ликвидационного законодательства. Она объяснялась рядом факторов: географическим местом расположения предприятия («пограничной полосой», имевшей выраженную тенденцию к расширению) [21, с. 36, 37, 71, 137]; масштабом «немшеедства» на местах; политической и экономической ориентацией представителей местной чиновничье-бюрократической администрации; характером производства и связей владельцев предприятий, возможностью получения ими военных заказов; степенью участия в общественной жизни того или иного региона; меценатством; конфессиональной принадлежностью собственников.

В целом в политике российских властей по отношению к этническим немцам прослеживается борьба:

- с немецким землевладением;
- немецкой торгово-промышленной буржуазией;
- немецкой культурой.

По каждому из обозначенных направлений решались свои задачи (решение аграрного вопроса, устранение конкурентов на продовольственном рынке и в промышленном производстве; уничтожение нравственно-религиозных основ немецких колонистов). Однако это была видимая сторона немецкой проблемы. Гораздо серьезнее были задачи стратегического характера: отвлечь недовольство населения стра-

ны положением на фронтах, переориентировав его на враждебные настроения и действия в отношении «внутреннего немца», и тем самым облегчить положение властей и военного руководства; отвести удар от царской семьи, родственные связи которой давали пищу для враждебных инсинуаций не только в низах российского общества, но были предметом сплетен даже в среде российской аристократии [27, с. 143, 144]; предоставить дополнительный стимул для мобилизованных в армию крестьян [36, с. 450], пообещав по окончании войны отдать им земли немецких колонистов, и таким образом, с одной стороны, оградить российских помещиков от притязаний крестьянства на их землю, а с другой – отдать рынок продовольствия страны исключительно в руки помещиков; расширить сферу деятельности российской буржуазии путем вытеснения и уничтожения немецкого буржуазного сегмента; уничтожив немецкие учебные заведения всех уровней, запретив деятельность общественных организаций немецких колонистов (сиротских, ссудно-сберегательных, страховых, потребительских, похоронных, культурно-просветительных), ограничив сферу использования национального языка, вмешавшись в дела религиозных конфессий, наиболее распространенных среди немецкого населения, создать в целом невыносимые условия для жизнедеятельности российских немцев и, по большому счету, побудить их к реиммиграции. Однако эти планы и задачи в условиях российской действительности привели к совершенно иным результатам. Политически и экономически безграмотные действия официальных российских властей обрушили страшные бедствия на страну, последствия которых называются еще и сегодня.

Первая мировая война справедливо рассматривается историками как не одномоментное явление. Она имела свои периоды, каждый из которых сказывался своеобразно на судьбах российских немцев.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова, Н. Г.* Иностранные акционерные общества в России в 1905–1914 гг. [Текст] / Н. Г. Абрамова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «История». – 1980. – № 4. – С. 77–91.

2. *Айсфельд, А.* Депортация [Текст] / А. Айсфельд, В. Бруль // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. – М., 2000. – Т. 1: А–И. – С. 697–702.

3. *Айсфельд, А.* Немецкое население в политической и общественной жизни Российской империи в период 1905–1917 гг. [Текст] / А. Айсфельд // *Вопр. герм. истории.* – Д., 2007. – С. 28–42.

4. *Бобылева, С. И.* Общественное мнение России конца XVIII – начала XX в.: о российском немце [Текст] / С. И. Бобылева // Там же. – Д., 2004. – С. 4–14.

5. *Булгаков, С. Н.* Героизм и подвижничество [Текст] / С. Н. Булгаков // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск, 1991. – С. 26–68.

6. *Бурьшкин, П. А.* Москва купеческая [Текст] / П. А. Бурьшкин. – М., 1991.

7. *Васильев, А. Ф.* Задачи и стремления славянофилов [Текст] / А. Ф. Васильев // *Благовест.* – 1890. – Вып. 5. – Окт. – С. 121–139.

8. *Гиленсен, В. М.* Германская военная разведка против России (1871–1917) [Текст] / В. М. Гиленсен // *Новая и новейшая история.* – 1991. – № 2. – С. 153–177.

9. Государственный архив Запорожской области [Текст]. – Ф. 11, оп. 1, д. 1319.

10. Государственный архив Российской Федерации [Текст]. – Ф. 102, делопр-во 2, оп. 1882 г., д. 244; Ос. отд., оп. 1915 г., д. 167, ч. 75; Ч. 89.

11. Дневники кн. Мещерского. 27 сентября [Текст] // *Гражданин.* – 1912. – № 30. – 30 сент.

12. Дневники кн. Мещерского. 6 сентября [Текст] // Там же. – 1913. – № 35. – 8 сент.

13. *Донгаров, А. Г.* Иностраннный капитал в России и СССР [Текст] / А. Г. Донгаров. – М., 1990.

14. *Драгунский, Д. В.* Навязанная этничность [Текст] / Д. В. Драгунский // *Полит. исслед.* – 1993. – № 5. – С. 24–30.

15. *Дякин, В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение трегьеиюньской системы [Текст] / В. С. Дякин. – Л., 1988.

16. *Залесский, К.* Плеве Н. В. [Текст] / К. Залесский // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. – М., 2006. – Т. 3: П–Я. – С. 93–94.

17. Екатеринославское губернское земское собрание. Очередная сессия 1915 года. Доклады управы и комиссий. Журнал собраний [Текст]. – Екатеринослав, 1916.

18. Каппелер, А. Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад [Текст] / А. Каппелер. – Л., 2005.

19. Крылова, А. И. Немецкое землевладение Мелитопольского уезда [Текст] / А. И. Крылова // История немецкой колонизации в Крыму и на Юге Украины в XIX–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию переселения немцев в Крым. – Симф., 2007. – С. 162–170.

20. Кудряшов, С. Немецкий шпионаж в России [Текст] / С. Кудряшов // Родина. – 1993. – № 5/6. – С. 92–95.

21. Линдеман, К. Прекращение землевладения и землепользования помещиков-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние Южной России [Текст] / К. Линдеман. – М., 1917.

22. Меленберг, А. Немцы в российской армии накануне первой мировой войны [Текст] / А. Меленберг // Вопр. истории. – 1998. – № 10. – С. 127–130.

23. Меньшиков, М. О. Дворянство и власть [Текст] / М. О. Меньшиков // Новое время. – 1909. – 24 февр.

24. Михайловский, Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 [Текст]: в 2 кн. / Г. Н. Михайловский. – М., 1993. – Кн. 1.

25. Монополии и иностранный капитал в России [Текст]: сб. ст. / редкол. М. П. Вяткин (отв. ред.) [и др.]. – М.; Л., 1962.

26. Муравьев, М. Вступительное слово [Текст] / М. Муравьев // Немецкое зло / под ред. М. Муравьева. – М., 1915. – С. 3–9.

27. Наумова, Т. В. Интеллигенция и пути развития российского общества [Текст] / Т. В. Наумова // Социол. исслед. – 1995. – № 3. – С. 39–46.

28. Нелипович, С. Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей...» [Текст] / С. Г. Нелипович // Воен.-ист. журн. – 1997. – № 1. – С. 42–53.

29. Нелипович, С. Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / С. Г. Нелипович // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 262–283.

30. Панченко, П. П. Аграрна історія України [Текст]: підручник / П. П. Панченко, В. А. Марчук. – К., 2000.

31. Плахотнюк, Т. Н. Немцы-иностранцы российского фронта: историко-правовой аспект [Текст] / Т. Н. Плахотнюк // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI в.): материалы XI Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 ноября 2006 года). – М., 2007. – С. 200–211.

32. Поликарпов, В. С. История нравов в России: Восток или Запад? [Текст] / В. С. Поликарпов. – Ростов н/Д., 1995.

33. Поткина, И. В. Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914–1917 гг.) [Текст] / И. В. Поткина // Немецкие предприниматели в Москве: сб. ст. – М., 1999. – С. 225–261.

34. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века [Текст]. – М., 1997.

35. Российский государственный исторический архив [Текст]. – Ф. 1425, оп. 2, д. 83.

36. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны [Текст] / А. Л. Сидоров. – М., 1973.

37. Сикевич, З. В. Социология и психология национальных отношений [Текст] / З. В. Сикевич. – СПб., 1999.

38. Соловьев, Ю. Б. Князь В. П. Мещерский и его роль во внутренней политике в предвоенные годы [Текст] / Ю. Б. Соловьев // Проблемы социально-экономической истории России. – СПб., 1991. – С. 249–264.

39. Соловьев, Ю. Б. Объединенное дворянство и проект создания дворянского экономического союза [Текст] / Ю. Б. Соловьев // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в. – Л., 1987. – С. 200–222.

40. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция [Текст] / П. Б. Струве // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. С приложением «Библиографии Вех». – Свердловск, 1991. – С. 148–165.

41. Хромов, П. А. Очерки истории экономики России периода монополистического капитализма [Текст] / П. А. Хромов. – М., 1960.

42. Центральный государственный исторический архив Украины [Текст]. – Ф. 385, оп. 1, д. 63; Д. 2945; Ф. 442, оп. 639, д. 220; Ф. 575, оп. 1, ч. 1, д. 243; Ф. 1599, оп. 1, д. 130, ч. 2.